

В тени крыла Воронова

➤ **Познавший с детства тяготы довоенного и военного времени, он не мог не писать об этом**

Окончание. Начало в № 114.

«Даю себе полную свободу»

В начале 60-х годов, еще в Магнитогорске, Николай Воронов задумал написать большую эпическую вещь, хроникально изложить историю своей семьи, рода, рассказать о своих детстве, отрочестве, юности. Едва приступая к работе, решил: «Даю себе полную свободу». Осенью 1963 года, во время переезда из Магнитогорска в Калугу, писатель прерывает работу над книгой, возвращается к ней через какое-то время: правит, дописывает, компоует текст, шаг за шагом стремится к воплощению задуманного. Наконец в 1966 году он завершает свой труд, жанрово определяет его как роман, дает название – «Все время ветер».

Воронов принес рукопись в журнал «Знамя», отдал на читку. Произведение получило хорошие отзывы сотрудников журнала. Оно было очень ярким, заметным в ряду других сочинений, наполнявших редакционный портфель. Однако в «Знамени» роман по каким-то причинам «забуксовал». Воронов забирает его отсюда и приносит в «Новый мир». Произведение понравилось главному редактору журнала Александру Твардовскому и членам редколлегии. Они оценили его правдивость, художественные достоинства. С писателем был заключен издательский договор, ему выплатили аванс. Твардовский включил роман в план журнала, зарезервировав для него ноябрьский и декабрьский номера 1968 года.

В пору «оттепели» «Новый мир» во главе с Твардовским был рупором антисталинских сил в литературе, знаменем шестидесятников. На его страницах публиковались самые смелые произведения того времени. Это было возможно благодаря политической поддержке первого секретаря ЦК партии Никиты Хрущева. Но в октябре 1964 года в результате закулисных интриг в партийном руководстве Хрущев был отстранен от власти. Заканчивалась и эпоха «оттепели». В прессе началась кампания против «Нового мира», организованная неосталинистскими силами. Твардовскому было все сложнее противостоять партийно-идеологическому прессу.

Особую роль в борьбе с «Новым миром» играл тогда так называемый Главлит. Это управление при Совмине СССР исполняло функцию идеологической цензуры, контролировало всю прессу, издательскую деятельность. Каждая книга, выходящая из печати, каждая публикация в газете или журнале в те годы должна была пройти через это ведомство. Такая же участь была уготована и роману Николая Воронова: без одобрительной резолюции Главлита появиться в печати он не мог.

Цензоры Главлита остались недовольны бескомпромиссным правдивым сочинением «вольнодумца» Воронова и немедленно сигнализировали об этом в высшие партийные органы. Стало ясно, что предстоит

яростная борьба по отстаиванию рукописи перед партийными бонзами.

Искушенный в аппаратной игре Твардовский исправил название: ушло напряженно-драматическое «Все время ветер», стало – «Юности в Железнодорожье». Не нравилось главному редактору и жанровое определение, данное автором. Зачеркнул редакторским карандашом слово «роман», написал – «повесть»

– Так проще и скромней – меньше будет придирок и нападков, – пояснил он свое решение Воронову.

Первую половину «Юности в Железнодорожье» цензура рассматривала очень вездливо, выпуск ноябрьского 1968 года номера журнала откладывался. Лишь в середине января нового 1969 года Главлит поставил на верстке разрешающую резолюцию. Первая часть многострадальной вороновской хроники была опубликована. Борьба за публикацию второй половины была еще впереди...

Репрессированная хроника

Вспомним историю рабочей Магнитки, историю становления ее литературы, начиная с 30-х годов. Основным лейтмотивом создаваемых тогда литературных произведений было воспевание трудового подвига. Он был уместен, этот пафос созидания, прорыва в будущее, рождения индустрии. Все это было! И молодой Ручьев писал: «А сегодня утром ясным / по уставу, в свой черед, / выступаем с флагом красным / на великий фронт работ», ставил на пьедестал тех, с кем бок о бок работал на строительстве индустриального гиганта: «На стальной земле Магнитостроя, / по делам, рекордам – навсегда, / каждый парень славится героем, / о котором слышат города». Но в то же время рядом с Ручьевым в рабочем бараке жил его земляк и близкий друг, поэт-первостроитель Люгарин, который тосковал по оставленной деревне и которому далеко не все нравилось в этом кипящем котле индустриальной стройки. Потому и писал он не бравурные вирши, а тихие меланхолические стихи. Не

мог по-другому. Вот и Воронов по-другому не мог. Рано повзрослевший, познавший с детства все тяготы довоенного и военного времени, он не мог не писать об этом. Он – летописец. Для него отступить от правды – все равно что изменить себе, своему писательскому дару, призванию, делу всей жизни. Воронов написал честную книгу о том, что пережил он сам, его близкие. В его произведении есть все: и всеобщее ликование во время пуска новой домны, и беспросветное убогое барачное житье, и детская карамельная радость, и страшные голодно-тифозные годы в уральской деревне, и мальчишеский восторг от дышащего огнем завода, и подростковая преступность, и опыт первой любви, и крайняя нужда военных лет, и жестокость репрессивной машины, и сострадание простых людей чужой беде, и ничтожность человеческой судьбы, и величие человеческого подвига...

ФОТО > ЕВГЕНИЙ РУХМАЛОВ

Вскоре после публикации первой половины «Юности в Железнодорожье» в прессе появились разгромные статьи, направленные против Воронова, Твардовского и «Нового мира». В писательской среде стало известно о письме ветеранов из магнитогорского землячества в Политбюро ЦК КПСС и в ЦК ВЛКСМ: негодующие земляки Воронова, называя его повесть клеветнической, очерняющей, требовали прекратить ее публикацию. Как нестерпимо больно, наверное, было ему, честному писателю, выращенному, по его же словам, рабоче-крестьянской средой, узнать об этом письме!..

И вот его, коммуниста Воронова, жившего в Калуге довольно свободно и независимо, вызывают в Калужский обком партии, в отдел агитации и пропаганды, для «проработки». А на следующий день он должен уже явиться на «собеседование» в ЦК партии. Партийная дисциплина обязывала, и он поехал в Москву, на Старую площадь.

Его встретил спесивый аппаратчик, завсектором печати отдела культуры ЦК КПСС. Начиная издали, партийный функционер постепенно переходит к оценке романа. Завсектором недоволен:

– Мало в вашем сочинении, товарищ Воронов, героического устремления советских людей, победного энтузиазма рабочих. Отсюда – приземленность, мрак, мало поэзии. А где руководящая и направляющая роль партии?

Аудиенция продолжалась целый день. На следующее утро Воронов уже с двумя членами редколлегии «Нового мира» вновь вызван к тому же аппаратчику. Внушения, призывы

к покаянию, рекомендации «довести» роман с учетом высказанных замечаний повторяются снова. Наконец завсектором не выдерживает, напрямую говорит о письме магнитогорцев, требующих прекратить публикацию повести.

– Вы берете на доработку вторую часть? – почти кричит он.

– Нет! – категорично отвечает Николай Павлович.

Судьба второй половины «Юности в Железнодорожье» была решена: ей не суждено было появиться на страницах «Нового мира». Понимая это, Александр Твардовский с горечью сказал тогда Воронову:

– Наступают последние времена...

Пророчествовал. После долгой травмы, после снятия с должности всех его единомышленников-заместителей в феврале 1970 года Твардовский вынужден был сложить с себя полномочия главного редактора журнала. Вскоре он заболел раком легких и умер в декабре 1971 года...

Человек с синицей на ладони

Воронова-прозаика я узнал задолго до личного знакомства с ним. Познакомились мы на форуме поэзии в Магнитогорске в 2002 году. Николай Павлович сразу расположил к себе. Он был открыт, лишен какой-либо фанатерии. Невысокого роста, плотный, круглолицый. Глаза-вишни. Вскинутые, словно в удивлении, метелочки бровей. Во взгляде легкая ирония, даже какая-то чертовщинка. В разговоре нетороплив, выдерживает паузы. Еще запомнился перстень с крупным фиолетовым кам-

нем на бескровном пальце. Не тот ли самый чароит из одноименного вороновского рассказа? Известно, что Воронов увлечен минералогией, собирает коллекцию камней. И, конечно, не остался незамеченным в тогдашнем его облике элегантный шейный платок под сорочкой, несколько верхних расстегнутых пуговиц которой, казалось, давали какую-то внутреннюю свободу моему собеседнику.

Шейный платок – неординарный аксессуар мужского гардероба, и ассоциируется он обычно с известным фрондерством, не сказать, пижонством. Присутствовало ли это в Воронове? Нет, тут, пожалуй, другое. Позже я заметил, что Николай Павлович питает слабость к шарфам, шейным платкам и не носит галстуков. Те, кто знает его многие годы, свидетельствуют, что Воронов в молодости всегда ходил с распахнутым воротом, в легких плащисках даже суровой зимой, что называется подбитый ветром. Видимо, тогда и выработалось у него пренебрежение к галстукам-удавкам. А шейный платок... Ну вот, знать, полюбился!

Мы подружились с Николаем Павловичем, бывали друг у друга в гостях. Помню, приехали с женой к нему в Переделкино. При входе в дачу в нескольких больших коробках книги.

– Часть моей библиотеки, – будто прочитал вопрос в наших глазах Николай Павлович. – Собираюсь с okazji отправить это в Магнитогорск, в одну из детских библиотек.

Воронов – прекрасный детский психолог. К детям обращены многие его произведения, самые яркие из которых, конечно, повесть «Голубиная охота», роман «Побег в Индию». Насколько же выгодно они отличаются от иных образцов современной детской литературы, особенно зарубежной, способных развить у наших чад разве что хватательный рефлекс! Воронов безусловно чувствует свою ответственность за новое поколение наших граждан. Живя в подмосковном Переделкино, он шефствует над детской библиотекой в далеком уральском селе Кизил, где сам рос до пятилетнего возраста. Николай Павлович поддерживает начинающих писателей-магнитогорцев по проведению детских литературных конкурсов, фестивалей, участвует в работе жюри. Бывая в Магнитогорске, писатель непременно находит время для встреч с юными читателями. Приняв их под свое крыло, он будто хочет укрыть детские души от жесткой радиации сегодняшнего вездесущего «масскульта», коммерческого чтива, агрессивного телевидения, жестоких компьютерных игр. Спасутся ли они в тени крыла Воронова?

Конец зимы в Москве нынче немилосерден – так часто бывало в пору моего детства на Урале. Я опять собираюсь в Переделкино к Николаю Павловичу. Сойду с электрички, пройду по тихому заиндевевшему поселку и, возможно, увижу его вдалеке, кормящего с руки синиц. А может, застану его перебирающим коллекцию минералов в войлочном тепле писательской дачи. Тихо идет время ☺

ИГОРЬ ВАРЛАМОВ,
член Союза российских писателей,
Москва, февраль 2011